АНАТОЛИЙ ВЕЛИЧКОВСКИЙ

С БОРУ ПО СОСЕНКЕ

ПАРИЖ
1974

АНАТОЛИЙ ВЕЛИЧКОВСКИЙ

С БОРУ ПО СОСЕНКЕ

ПАРИЖ
1974

Того же автора :

« *Лицом к лицу* » Стихи. Издательство « Рифма »
Париж 1952.

« *Богатый* » Роман сатира. Париж 1972.

Тираж книги 500 экземпляров
из них 20 нумерованных
№

Посвящаю своему лучшему другу

ЦВЕТЫ

1

Прекрасному трудно, словно в аду,
Не взлететь, не запеть, не шелохнуться,
Молчат неподвижные розы в саду,
А листья шумят и ветви гнутся.

2

Молчанье небес — это тайный зов,
Повторяемый дивным молчаньем цветов.
И для всех говорящих, для всех языков —
На зеленых кустах пунцовая кровь.

3

И роза цветет, раскрывая бутон,
Над ней распростерта безмолвная синь
Между небом и розой — огромный сон.
Цветы — это голос души пустынь.

4

Поэзия тоже хотела-б — молчать,
Не листьями быть, а самим цветком
Свой голос в молчанье цветов обращать.
Над шумом листвы, над зеленым кустом. . .

СТАНИШЕВИЦЫ

1

Как прекрасно в солнечную осень
Пожелтели клены у крыльца.
Я веду, среди высоких сосен,
Светлого, как солнце жеребца.
Этого красавца из России —
В Польшу амазонка привела.
С жеребцом, приятелем Марии,
У меня сердечные дела.
Я его целую в шею, в ноздри,
Чувствую от шерсти золотой —
И Россией пахнет теплый воздух,
И Марии нежной теплотой.

2

Мы возвращаемся домой,
Дорогу выбрав покороче.
Меж яблонь воздух золотой,
Деревья ждут прохлады ночи,
В закате розов белый дом,
Тень шевелит листву на стенах,
И разноцветна под окном
Цветов рассыпанная пена.
Борзой кобель встречает нас
И он тоскует по России.
Все это от забвенья спас
Твой первый поцелуй Мария.

УТРО

Я стою у окна раздетым
Сейчас начну умываться,
Веет в окошко ветер,
Такой, что хочу смеяться —
Свежесть его такая,
Нежность, благоуханье...
Он веет, меня лаская,
Юным своим дыханьем.
Стать бы ему невестой,
Иль невозможно это?
Чудо находит место —
Становится ветер песней.
Если-б еще немножко
К песенке, да припева —
Из воздуха, белой ножкой
Черноокая-б вышла дева.

СНЕГ

Какой прекрасный и высокий
Сегодня день ! Чудесный день !
На снег пушистый и глубокий
Деревьев утренняя тень
Ложится сеткой синеватой.
Как хорошо, что я как раз
Весь город прохожу с лопатой
И за четыре франка в час
Бросать обязан с тротуара
На мостовую жемчуга,
Достойные моей Самары
Голубоватые снега.
Горит, сверкает и сияет
Морозный воздух. Меж домов
Пушинки вьются за трамваем,
Сияют струны проводов. . .
А я лопату за лопатой
Бросаю вправо, влево, в бок.
Как вдруг сияньем розоватым
Мой необдуманный бросок
Рассыпался у ног девицы.
Прекрасная ускорив бег
Взглянула, приподняв ресницы,
И синий свет упал на снег.
Какое дело ей... О, Боже,
До босяка ! А так же мне
Какое дело до прохожих,

Но я не знаю... Так во сне
Преображается природа.
Мир показался мне иным :
Дворцы, дома, толпа народа
Всё, всё рассеялось, как дым.
Одни следы ее сапожек
Бежали, как жемчужин нить,
А снег на вату стал похожим,
Что-б милый жемчуг сохранить.

* * *

Ты несколько рубашек днем
Перед уходом постирала.
Всю ночь осеннюю потом
В окошко пуговка стучала.
Стучала в сумерках глухих,
А мне минутами казалось,
Что дело милых рук твоих
В знакомом стуке продолжалось.
И я увидел — мне в стихах,
Не только звезды можно славить,
Но даже пуговка в правах
Свой след в поэзии оставить.

СТАРОЕ

Если хочешь, что бы колесо
В чернозем по ступицу входило
Степь нужна, снежок, лесок,
Словом все, что память сохранила,
Весь в ручьях серебрянный овраг,
Трехдюймовка и четверка цугом,
Так же нужно, что-б трехцветный флаг
Реял вновь над городами юга,
Бронепоезд, будка, переезд,
Под откосом красные вагоны,
Нужно что-б Бандурченко разъезд
Вывел « с права, по три » из колоны
Что бы раскололась тишина —
Перелетом первого снаряда,
Что бы нас скрывала бузина,
Тополя и вербы на леваде
Нужен бы еще британский френч
Ночь нужна, пасхальная, в патруле,
Крестик, что способен уберечь
От удара шашки и от пули.

О СВЕРСТНИКАХ

В шестнадцать лет румяные,
Безусые и пьяные —
От счастья пасть в бою
За родину свою.
Они владеть винтовкою
Учились в конском топоте,
А боевой сноровкою —
Кто выживал — на опыте.
Их кости трактор распахал
Перемешал, переломал...

* * *

Я жизнью мучаюсь святой,
Долги прощаю и обиды.
Питаюсь хлебом и водой,
Но этого никто не видит.
Здесь нужно ближних не любить,
Быть вероломным и лукавым,
И не мешает кровь пролить,
Во имя почестей и славы.

НИЩИЙ

Сидит старик среди базара,
И заливаясь соловьем,
Берет аккорды на гитаре
Поет все то, что мы поем.
Он ожидает подаянья,
Но кружка нищего пуста.
Между делами и деяньем —
Непроходимая черта.
Пропев народные частушки,
Старик аккорд высокий взял
И первый грош в пустую кружку
Сверкая, с грохотом, упал.
За дар земной небесным даром
Ответил тронутый Зевес;
На площади горит гитара,
Но в общем никаких чудес!
Фургон примчался полицейский,
Сиреной дико провизжал,
И кто то гнусно, по лакейски
На небо пальцем указал.

* * *

С цветочка полевой горчицы
Свалился маленький жучек,
Попал на книжную страницу
И в книжном мире новичек,
Все ползает от слова к слову,
Приостановится и вновь
Чего-то ищет, безголовый ,
Среди божественных стихов.
Не так ли жизнь моя земная
Слепая, темная моя,
Чудесных слов не разбирая,
Скользит по книге бытия ?

* * *

Забытая в углу конюшни,
Весною, пыльная метла,
Веленью дивному послушна,
Раскрыла почки, расцвела. . .
Упорство этого цветенья,
Цветенья веток без корней,
Похоже на стихотворенья
Лишенных родины своей.

ДВОРЯНСКОЕ

Заросший пруд или река,
Купальня, камыши, плотина,
Жара, порывы ветерка,
Шумят библейские осины.
И отражаются в воде
Готовые купаться дети.
Сидит на берегу, в ладье,
Их фрейлен с зонтиком, в берете.
Сухая немочка следит,
Что-б мальчики не утонули.
Над нею ласточка скользит
Упала и воды коснулась.
Два медленные круга волн
Расходятся в зеркальной глади,
И облако, как белый челн,
Плывет по отраженью сада.
Плывут другие облака,
Покорны вечному движенью,
И так идут, идут века
В пустоты целеустремленья.

ПРО ЛОШАДЬ

Общаясь с ездящим металлом,
Мы никогда не возвратим
Той радости, что нам давало
Общенье с существом живым.
Есть штамп фабричного металла,
Есть марка, больше ничего,
А прежде нас сопровождало
Как мы, живое существо,
С таким же сердцем, телом, кровью
Со всеми чувствами пятью,
Имеющее все условья
Стать другом нашему бытью.

* * *

На фотографии темней
Твои черты и выраженье.
И холодно изображенье
Улыбки солнечной твоей.
Как видно, Богом данный свет
Не проявляется на снимках.
Для механических побед
Душа осталась невидимкой.

* * *

Звезды не горят и не мерцают,
Так, сквозь государственный билет,
Водяные знаки проступают,
Если взять и посмотреть на свет.
В сумерках роса блестит на травах,
Мне не страшно жить в земном аду,
Потому, что здесь небесной славой
Расцветают яблони в саду.

* * *

Роняя за волной волну,
Гроза ночная бьется в стекла.
Я этот мир не прокляну
За то, что улица промокла.
Наоборот я рад тому,
Что есть еще хоть это счастье
С небес грозящее уму,
И мудрость рвущее на части.
Сверкни и небо расколи
Зияньем трещины слепящей,
Из черной пропасти земли
Дай видеть свет животворящий!

* * *

Всю жизнь свою витаю в облаках
И существую на земле при этом!
Перед земным существованьем страх
Меня заставил сделаться поэтом.
И я живу, живу поверх всего,
Поверх себя, поверх незримой крыши,
Поверх отчаяния моего —
Меня ведет отчаяние свыше.

МОЕЙ МАТЕРИ

Пустеет мир. Прощальной тишины
Лесные шелесты прервать не смеют,
Закатом розово освещены —
Вершины сосен медленно темнеют.
Не перед чудом каждый лист затих,
Но в ужасе пред ожиданьем чуда.
Я чуда жду, я жду шагов твоих...
Но никогда ты не прийдешь оттуда!

САВОИЯ

На горном кладбище, средь сосен
Могила матери моей.
По серым камням и откосам
В деревню Пра течет ручей.
Не умолкают водопады,
О, как таинственно шумят,
Спадая с каменной громады
В другой — такой же водопад.
Их шум, как шум родимых весен
На незабвенных берегах...
Так сердце горе переносит,
Как тают вечные снега.
Могила матери в Савоие
Мне, как родимый уголок,
Здесь дышет высотой покоя
Высокий, горный ветерок,
Здесь запах хвои, земляники,
Вкус воздуха и вкус воды,
Как бы Предвечного Владыки —
Еще не стертые следы.

* * *

Вдоль копен сложенных снопов
Проходят тени облаков.
Проходят важно, не спеша,
А небо ясно как душа,
Когда подобно облакам
Проходят медленно и там,
Лазурный заслоняя свет,
Воспоминанья страшных лет.

* * *

Мне лиру ангел подает
В. Ходасевич

Чтобы звали и рыдали,
Пели из последних сил —
Струны сделаны из стали,
Или из бычачьих жил.
Крепкими должны быть струны,
Крепким должен быть и тот —
Тот кому, сквозь век чугуннный,
Лиру ангел подает.

* * *

Веселый фавн томимый ожиданьем
В часы безделья, музыку любя,
Наполнил флейту уст своих дыханьем,
Но вызвал вместо музыки тебя.

И ты поешь — « тоску мою развейте ».
И чудно превращаются слова :
В зеленый луг, играет фавн на флейте,
Журчит ручей, колышется трава. . .

* * *

Какая путаница в строчках,
Какой невыносимый вздор :
« Кратчайший путь от точки к точке
Сквозь звездный тянется простор »
Как дик девиз аристократий,
Далеких рыцарских времен,
Для современных демократий
Плакатов красных и знамен.
Но я бы, лично, все плакаты
И лозунги в архив свалил,
И вместо пошлости развратной,
Девиз старинный воскресил.

* * *

Силами помериться со сталью
Хочется моей душе бессмертной,
Полечу то прямо, то спиралью,
Заверчу, как механизмы вертят.
Нужно только плавно разбежаться,
Замахать руками и подпрыгнуть,
И на воздух медленно подняться —
И падет техническое иго.

* * *

Вода боченок влагою питает,
Рассохнуться своей тюрьме мешает
Не потому, что течь охоты нет,
А потому, что так устроен свет.

Моя душа живет в такой беде
Подобно этой пойманной воде.
И не одна она — весь мой народ
В таком плену безвыходно живет.

* * *

Днем и ночью лунной и безлунной,
Будто у рабочего стола,
Проплывают под мостом чугунным
Вечные скитальцы зеркала.

Отражают городские зданья,
Окна учреждений и квартир,
Будто учат двум существованьям
Безнадежно одинокий мир.

* * *

Мальчики повесили цыпленка,
На костре живьем ежа сожгли,
Камнями прогнали мать-сученку
И щеночков мучить понесли.

Для животных слабых, для домашних
Нет страшнее нежных, детских рук.
Твой ребенок миру так же страшен,
Как тебе змея или паук.

РАДУГА

С небес нахмуренных ручей
Меж зданий сыпется и плещет,
Но брызги солнечных лучей
Задели на витринах вещи.
Сквозь ливень засветлел каштан,
И в озаренье струй несметных,
В их блеске солнечный туман
Стал бледным, нежно-семицветным...
Забудь, о человек, дела,
Взгляни, еще не все пропало,
Когда так радуга светла
Средь сатанического бала!

* * *

Как хорошо, что я с тобой
И что доволен я судьбой,
И всем доволен, как никто,
Одно лишь плохо, плохо то,
Что слишком жизнь свою люблю
И в то же время тороплю
Куда-то всё вперед, вперед,
За годом год ! за годом год !
Мне чудится, что каждый день —
Высокой лестницы ступень,
И я всё выше восхожу
И потому не дорожу
Тем, что сегодня у меня
В прекрасном расписаньи дня.
Мне как-то видеть не дано,
Что лучшее прошло давно,
Что лестница к концу идет —
За годом год, за годом год. . .

* * *

Сияй, сияй глубокий вечер. Запах
Сырой земли, сырой листвы и неба
В твоих косматых и пушистых лапах
Подобен запаху ржаного хлеба.
А то, что ты сияешь без светила,
Своими средствами, подобно тоже
Пустой душе, где потемнев остыло
То, что на солнце было в ней похоже.

* * *

Никто не пел, не говорил стихами,
Все было в той же прозе, как всегда,
А высоко над старыми домами
Мерцала нежно первая звезда.

Темнело небо. В сумрачных просторах
Ночь заполняла мраком пустоту,
Но снег белел на крышах и заборах.
Деревья были как весной в цвету.

Синели тени веток на сугробах,
Мерцали звезды, отражаясь в них...
Здесь на земле лишь мертвому у гроба
Псаломщики еще читают стих.

ЖМУРКИ

Сверчок на небеса попал.
Жалея землю цверенчит:
— Прыжок я плохо рассчитал —
И сам созвездием горит.
На землю льется лунный свет,
Со светом вместе дивный звон.
Выходит в сад седой поэт,
Сверчка не может видеть он.
В пустыне лунной никого,
Не слыша шелеста кругом
Он чувствует, что у него —
Глаза завязаны платком.
Он руки вытянул вперед,
За каждым шорохом следит,
То подойдет, то отойдет,
Прислушается , постоит.
Похожа явь на страшный сон:
Все кажется ему, что тот,
Кого сейчас поймает он,
Повязку с глаз его сорвет.
О, если б знал поэт седой,
Что только маленький сверчок,
Простой сверчок, никто иной,
С его лица сервет платок.

* * *

Взмахнул рукой — рука сломалась.
Ступил ногой — нога долой —
И голова моя сорвалась,
Но думаю я головой :
« О, бедные мои пружины,
О, бедные мои винты ! »
На невеселые картины —
Хозяин смотрит с высоты.
Он к неизбежному распаду —
Ума не может приложить ».
Меня обуревает радость —
Не нужно жизнью дорожить !
Я вижу новыми глазами,
Как в незапамятной дали,
За белоснежными веками —
Святая рать лежит в пыли,
Богатыри в чудесных шлемах,
Я слышу пение стрелы. . .
И молнии вокруг эдема,
И молнии вокруг земли !

РОК

Твоей ли жертве избежать петли,
Твоих ударов и твоих гонений?
Но слово, в строчке, виновато ли,
Что на него упало ударенье?
Не виновато!.. Так судьба людей
Всегда считалась только с ритмом вечным,
И тем она и выше и светлей,
Чем кажется на вид бесчеловечней.

ИЗ ГАЗЕТ

Титанические мечты,
Жюльверновские химеры.
Обезумевшие киты
Выбросились на берег.
Да и виновник сам
Отравы своей боится,
И, подобно китам,
В иные миры стремится.
Уже полетел пророк
Подыскивать место людям.
Явно подходит срок
Выбрасываться отсюда.

* * *

Говорится — « побежденным горе »
Но поется — « горе не беда ».
У меня есть родина, которой
У других не будет никогда.
Только я за темными горами,
Вдалеке от родины своей
Научился говорить стихами,
И влюбленно думаю о ней,
Все, что было скверным забываю.
Так по райским пущам и садам,
Изгнанные первыми из рая,
Тосковали Ева и Адам.

* * *

Поникше листья обломанной ветки
Любимое солнце не даст вам награды.
Что было недавно живительным светом
То стало смертельно-губительным ядом.
Вы были вершиной, теперь шелестите
Не золотом осени — зеленью черной. . .
Но дерево ваше шумит, посмотрите,
Новой вершиной от старого корня.

* * *

На небольшом лотке у бабы
Застыли в мертвых позах крабы.
Нет солнца, моря, нет песка.
Как видно крабы околели.
Толпятся люди у форели,
Замерзла баба у лотка.
Но к счастью бабы — так бывает;
Базарных толп торговый гам
Приблизился, напоминая
Шум волн бегущих к берегам.
И полуоживая крабы
Зашевелились на лотке
И покупательница к бабе
Подходит с сумочкой в руке.

ПУТАНИЦА

Лучи опустили свои молодые ресницы,
Сквозь листья густые, на спелый овес при дороге.
И дремлет природа. Ей может быть иначе снится
Всё, то, что и мне начинает казаться в итоге.
Я может быть сон для деревьев неясный и зыбкий.
И кажется им, что от этого сна не проснуться.
И каждая ветка качается в солнечной зыбке
И силится к сну своему наяву прикоснуться.

ГРОЗА

В просторе ангелы стоят.
Мне между ними стать велят.
За рядом ряд, за рядом ряд,
Все в голубом снегу.
За взглядом — взгляд, за взглядом — взгляд —
Я в огненном кругу.
Нежнейший луч, из всех лучей — веселый луч
[зари.
И даль за молнией видна,
И солнце не горит —
Горит, горит голубизна.
И плещет вихрь и бьется ночь, и мрак течет
[рекой,
И прах над клеткой старых мест —
Метелью ходит. Первый зной,
И первый свет, и первый крест
Ласкает первого коня, под голубым богатырем,
И изумрудные глаза у белоснежного коня —
[грозят из туч.
И зеленеет снежный меч. Слепой идет с
[поводырем,
И пахарь давних лет —
Идет за сивкой и сохой. Притянут луч —
К стогам, к березам и согрет
Распаханной земли откос.
Дымится па́ром борозда, по ней грачи бегут.
И в тихой нежности берез
Заросший блещет пруд.
И вновь повергнут блеск в ничью... Зачем он
[звал ?
Зачем в ничтожестве держал ? зачем ласкал ?
И обещаньем слух поил :
Дать силу крыл, для светлых сил ?

« Тень от невидимого »

С.И. Шаршун

Людьми не мало вещих снов забылось.
Но иногда случалось даже мне
Почувствовать, что жизнью повторилось
То, что я видел некогда во сне.
Я не скажу чтоб это было что-то
Большое ,важное — скорее пустяки :
Увижу вдруг как улыбнется кто-то,
Поправит волосы, или очки.
И с этого момента вспоминая
Свой давний сон, я знаю наперед,
Что сновиденью, точно подражая,
Допустим, с полки книга упадет,
Мой собеседник чаем поперхнется,
Автомобильный загудит гудок —
И снова с повседневностью сольется
Пророчества неясный ветерок.

* * *

У берега в молчаньи музыкальном
Спадают ветки в солнечном тепле.
Трепещут и колышатся печально,
И отражаются в речном стекле.
Лучи скользят, сквозь трепет неустанный,
В холодную прозрачную волну.
И падает зеленый лист нежданно,
И тень его плывет за ним, по дну.
Мы впереди искали наслаждений,
Искали славы, счастья и наград,
И вдруг остановились в умиленьи
Пред тем, что было двести лет назад.

* * *

Пространство между двух окошек
Закрылось. Тронулся вагон. . .
Глядит девица в макинтоше
На отступающий перрон.
А за окном, не отставая,
Между вагоном и стеной
Летит такая же вторая.
Прозрачная. В туннель сырой
Влетела и не зацепилась
За выступы, за провода.
Душа ! Не ты ли отделилась
В тот невозможный миг, когда
Подземного туннеля грохот
И стук колес, и стекол звон,
Как некий сатанинский хохот,
Наполнил мчащийся вагон ?
Но вот, проехав два пролета,
На станции « Reuilly-Diderot »,
Скрывая легкую зевоту,
Она выходит из метро.

ОСЕНЬ

Херсонский ворон пролетал,
В рассветных сумерках заречных,
Я где-то, кажется, читал:
« Любовь, как ворон, долговечна ».
И верно; до сих пор живет
Заря осенняя, степная,
И чайки утренний полет,
И цепь курганов голубая
В моей душе. Туман речной,
Теплея, делается розов.
Вся в изморози, под горой,
Дымится размерзаясь озимь.
Дымятся на меже дубки.
Идет мой конь широкой рысью,
Как бы тумана завитки —
Бегут борзые следом лисьим.
И солнце пригревает вновь.
И снова мне его сиянье,
Как долговечная любовь —
В часы последние свиданья.

СКАЗКА

Жизнь земную создал Бог.
Диавол жизнь творить не мог.
Бога он возненавидел —
И сказал : « ну что-ж увидим,
Если жизнь творить не мне,
Будем все же наравне !
Я придумаю в отместку,
Затмевая Бога блеском,
Мир не хуже, чем живой
Мир технический, второй ».
Сатане и карты в руки !
Он открыл глаза науке.
Начал людям помогать —
Рай научный создавать.
Божий мир нерукотворный —
Для заводов стал уборной,
И уже почти исчез —
В грозном грохоте чудес.
И поверили народы;
Техника залог свободы.
Да не выйдет ни хрена
Просчитался сатана !

ПЕРЕД МЯСНОЙ ЛАВКОЙ

О, нет ! Не отсохнет рука человека —
Он лошадь свободно зарежет на мясо.
За службу и дружбу, от века до века —
Он месть приготовил последнего часа.
Об этом молчит человеческий гений,
Молчит, как слепая, глухая бездарность —
Берет на себя он из всех преступлений :
Самое страшное — неблагодарность !

* * *

При лунном сияньи — дымятся леса,
Чудовищем кажется каждый пень.
На светлой поляне копны овса,
Под каждым снопом непроглядна тень.
И теплые волны кругом идут,
Деревья глядят в заколдованный пруд.
Ты облаком стала, я облаком был
При ненаглядной зеленой луне :
Мне счастье и музыку лес дарил,
Перстень тебе, в голубой тишине.
Когда-нибудь рыбы твой перстень найдут
И темные волны кругами пойдут.

* * *

Покоя нет. Покой бывает только,
Когда теряется последний свет,
Когда вся жизнь потеряна настолько,
Что ни одной надежды больше нет.
Так медленно засасывает тина,
Разбитый бурей, остов корабля
И кажется шипением змеиным
Пропитан воздух, небо и земля.
Взбегают волны на ступени лестниц,
Судьба в зеленом покрывале спит :
Ее одежда бархатная плесень,
А тело отшлифованный гранит...
И вот она, уже за облаками,
Качает белокурой головой
И обнимает тонкими руками
Весь океан и целый шар земной.

* * *

Кан-ле-Бокка — цветы и пальмы.
Стальное море и закат.
Я посетил сей берег дальний,
Который так любил мой брат.
Он умер там... И этот город,
Весь утопающий в цветах,
Впервые видел я сквозь горе,
Сквозь слезы на похоронах.

С.И. Шаршуну

1

Наставника желанного не встретив,
Я приходил домой и слушал ветер.
И вот, как самоучка, одиночка
Свой путь прошел от точки и до точки.
Но кто, когда, поймет среди людей
Дорогу трудную души моей?
Своей судьбы я победить не мог,
Но горе побежденных превозмог.
И ветер мой единственный учитель
Шумит в моих словах, как победитель.

2

Художник жив, пока он не теряет
Живую нить искусства своего.
Вот, как пчела, ужалив — умирает,
В труде и в смерти есть у них родство.

3

Так музыку свою кладет мороз
На окна русские, на тайну, тишину —
Печальную безлиственных берез,
Так ваша кисть скользя по полотну
Дух музыки преображает в свет.
Тень от незримого является глазам.
Когда-б не кисть — лирический поэт
Дух музыки доверил бы словам.

НА ЗАРЕ

Безоблачное небо розовело,
И, уходя, ночная тишина
Так хорошо о бесконечном пела,
И песня эта так была слышна,
Что солнышко на розовой меже
Приоткрывалось медленно во сне...
« Поэты это те, кто жил уже »
Звучало эхо памяти во мне.

ГЕНЕРАЛЫ

Много было генералов старых,
Все они о прошлом вспоминали
И на полуслове мемуаров,
Не закончив боя, умирали.
Опустели штабы и квартиры,
Замолчал о правде голос смелых.
Выйдут внуки красных командиров
И допишут мемуары белых.
И не сверхестественно пожалуй,
Если светоч в черной тьме зажженый
Самым честным русским генералом —
Вспыхнет светом правды озаренный.

* * *

Ах, наконец-то я увидел,
Что этот я совсем не то!
Творец, конечно, не предвидел
Такого чучела в пальто,
В полуботинках, в мягкой шляпе
С петлей на шее — хомутом.
Сапожник да портной натяпал,
А я то, собственно, при чем?
Мне просто стыдно и обидно
За этот непристойный вид.
Но делать нечего, как видно
Все это черта веселит.
Еще не выдумали рожек,
Но черти слышится поют:
« Копытца — выкроет сапожник,
Портные — хвостики пришьют ».

1

Это было — где-то,
Далеко от Сены:
Солнце пахло — летом,
Ветерок — сиренью.
Было на параде,
Под апрельским небом
В Елизаветграде,
На плацу учебном:
Светлых шашек гребень
Лошади, знамена:
Слушали молебен —
Оба эскадрона —
О христолюбивом
Воинстве имперском
И святым порывом —
Отзывалось сердце.
Грянула музыка...
С нею юнкера
Во имя — Великой —
Грянули — ура!

2

Отзвучали гимны
Отзвенел парад —
И не стало имени:
Елизаветград.
На песке — сердечки —
Конские следы...
И уходят в вечность
Конные ряды.
Ясно и дождливо
Будет — как всегда,
А христолюбивых,
Воинств — никогда!

«МЕЧТА»

Здесь трубы сигнальной,
Не воскреснет глас,
Но вострубит — Ангел
И настанет — Час.
Конница воскреснет —
Чтоб занять места
Доблести и чести —
В воинствах Христа.
Переступят грани :
Звезд и тьмы времен —
Вихревые ткани —
Ратей и знамен.
Засияет небо
Как сплошной огонь
И на горный гребень
Ступит белый конь.
И весенний всадник
Будет как гроза.
И земному аду
Не поднять глаза.
Саранча стальная
Скроет небосвод,
Но металл растает,
Как весною — лёд.

* * *

Есть миг, когда одних ресниц длиной
Я отделен от жизни не земной.
И два начала в розовом огне —
Тогда соединяются во мне.
Так солнечным сияньем поздний сон —
Сквозь сомкнутые веки озарен.
Так новыми стихами дальний звон —
Почти помимо слов запечатлен.

* * *

Свое спасая зренье,
От славы не земной —
Я в ужасе священном —
Закрыл глаза рукой
Меня овеял ветер —
Молниевидных крыл
Перед нездешним светом
Я зренье — сохранил.
Телесным содраганьем
И трусостью греша —
Высокому призванью —
Ответила душа.
Лишь через руку эту,
Запечатлен в душе —
Мгновенный отблеск света,
Как снимок на клише.

М.Ж.

Сравнительно со мной все пустяки,
И то, что я пишу, и то, что еду,
И то, что дотащил свои мешки,
И то, что кто-то празднует победу.
И смерть моя, в сравнении с другой,
И как то невозможнее и хуже,
И больше всех страдаю я душой.
И не сравним с другим мой тайный ужас,
Но если б мне судьбу решать пришлось
И между нами выбирать двоими —
Во мне бы сразу мужество нашлось
Перед твоим свое поставить имя.

* * *

Затишье было — жаркий день пылал.
Среди сожженных трав еще зеленый,
Молчаньем долгим неба утомленный,
Покрытый пылью тополь увядал.
Но вот далекий гром загрохотал
И тучи потянулись в синеве.
Надежду ширя, тополь встрепенулся,
Но дождь короткий прошумел в листве,
Его корней глубоких не коснулся.

* * *

Какое утро! Небо цвета воска
Как бы скончалось от тяжелых ран.
Читатели толпятся у киоска,
Ждут новостей из небывалых стран.
Газетчице ручьем текут монеты,
Мне кажется, она почти поет:
« Помимо вдохновения поэтов
Приходят вести неземных высот ».
Любители прощаются со смехом:
« Всего хорошего до лунных встреч ».
Я тоже рад огромному успеху:
Свалилась тяжесть с неуемных плеч.
Мир сделался необычайно плоским,
Как побежденной армии солдат —
Стою, смотрю на небо цвета воска...
Ах да, мне нужно покупать салат.

* * *

Как, скажем, дома переделка ,
Как мойка окон и полов,
Так независимая грелка —
Мою разгревает кровь.
Я, словно вплавь, в себя бросаюсь
И шумных брызг взлетает град,
С чудесной влагой расставаясь,
Я попадаю в белый сад,
Где блещет золотом кумирня —
Хранительница вещих снов,
Там музыка и голос лирный
Еще не воплощенных слов.
И распадаются завесы
Возможные и даже те, —
Где солнце древнее Зевеса
Горит на огненном кресте.
И учащается дыханье
При взлете, как бы, на скалу,
И падает мое сознанье
В светящуюся, точкой мглу.
Во всем пространстве только эта —
Горит неверным огоньком.
За темной далью капля света,
Напоминая о земном.
И в ужасе, усильем воли,
Что-б не перешагнуть черты,
Я падаю назад в неволю,
Освобожденный от мечты.

* * *

Читатель, друг — не осуди !
Я запах псятины вдыхаю,
И с наслаждением к груди
Свою собаку прижимаю.
Не одинаков человек,
Нет равенства у человека,
Одни опережают век,
Другие отстают от века.
Что-ж, я, конечно, отстаю —
Люблю стихи, люблю природу,
И умников не признаю
И не хочу служить народу !

ГЛАЗА ЛОШАДИ

Такой безотчетной печали,
Дивного происхожденья,
Наши глаза не читали
От самого грехопаденья.
Чувствуется, из рая,
Лошадь ушла невинной,
Из верности сопровождая
Тех, кого Бог покинул.

1

Здесь орешник
И река,
И черешни
В облаках.
Запах вешний
Из леска.
Было рано.
Стало поздно.
Сквозь туманы
Вышли звезды.
Вот меня коснулся ветер
Словно рук твоих прохлада
И замолк весенний вечер
В шелесте дремотном сада.

2

Глядит луна
Через дорогу.
Мне вера не дана
Не верю в Бога.
Не верю, но хочу
До ужаса, до стона —
Чтоб прав был тот,
Кто набожно свечу
Перед иконой
Жжет...

1954 г.

* * *

Когда забыв обычные дела,
Необычайным пробую заняться,
Обычное выходит из угла
И начинает с необычным драться.
Оно во всем, оно везде кругом :
То жарит перья, то котлеты рубит,
То над моим склоняется столом,
Вздыхать и кашлять, и сморкаться любит.
Оно забилось в лампу, в кошелек,
В напильник ,в книжку, отразилось в крапе,
Вошло в машинку музыки, в замок,
Летит ключем, сковородой и шляпой
Гремит, звенит, грохочет, мирно спит,
Через окно летит фабричным дымом,
В затылок дышет, за спиной стоит —
С лицом, похожим на коровье вымя,
Ты окружен, ты чувствуешь душой,
Что отдаешь позицию без боя
И тянется повсюду за тобой —
Во всех вещах вмешательство чужое !
И так тебя преследует оно,
Так дразнит и терзает видом бренным,
Что делается (и сказать смешно)
Само собою необыкновенным.

* * *

Я вижу танцы, музыки не слышу,
Стою на улице, на тротуаре.
Руками машут и ногами пишут
В безмолвии танцующие пары.
И я свое выдумываю пенье,
Ритм подходящий танцу сочиняю
И в этом вижу олицетворенье
Того, что сам едва ли понимаю.

* * *

Своим сияющим теплом :
Сияло солнце и сияло
И землю обошло кругом,
И тихо за холмы упало.
Исчезло солнце за холмом.
Чем больше сумерки темнеют,
Тем ярче — памятью о нем —
Цветы у яблонь розовеют.

* * *

Когда я вижу утренний восток,
Всю медленность и торжество рассвета,
За каплей капля, за глотком глоток,
Моя душа огнем тоски согрета.
Но не тоска! Простанство душу пьет.
И жизнь моя мне кажется случайной,
И ранит, как тяжелое копье,
Существованья пустота и тайна.

* * *

Безнадежность — это совершенство
Безнадежность — полное блаженство,
Безнадежность — это без побед
В пораженьях уцелевший свет.
Полная земная благодать
Ничего не помнить, не желать.

***

Тень не спасает и не губит.
Спасает, жжет и губит свет.
И сердце тех сильнее любит,
Кого на свете больше нет.

***

Ребеночек, как говорится, — крошка
Невинные улыбочки, слова.
Вот он бежит на слабых, жирных ножках.
Качается большая голова.
Вокруг костра детей толпа собралась,
Как очарованная в полусне,
И нежно и невинно улыбалась
Пока котенок корчился в огне.

***

За бороздою борозду
Проводит пахарь одинокий,
И на вечернюю звезду
Глядит из борозды глубокой.
И там на маленькой звезде,
Что светит, чуть заметной точкой,
Идет по черной борозде —
Такой же пахарь-одиночка.

* * *

Устроено на свете так давно,
Что может каждый чем-то утешаться.
Для утешенья всякому дано
Желать чего-то, ждать и не дождаться.

Боятся смерти только старики:
Они привыкли жить на этом свете,
Питаться, сплетничать, носить очки
И прятаться от смерти за газетой.

Мне жаль, что я не умер в двадцать лет,
Еще привычки скверной не имея,
Еще не зная, что прекрасный свет —
Жестокая и страшная затея.

* * *

Приходит к мертвым деревцам весна —
Все воскресает, расцветает, дышет.
Поэзия не может жить одна:
Ей нужен человек, который пишет.
Цветок, конечно, создан веселей —
Он совершенней по своей структуре.
Поэзия не может, без людей,
Сойти на землю — прямо из лазури.

* * *

Куда ни ступит человек,
Где ни появится спросонья —
В озера, в воды чистых рек
Течет фабричное зловонье.

Всё рубит, пилит, косит, жжет,
Всё травит дымом, газом, чадом.
И смрад, и грязь, и смерть несет
Всепобеждающее стадо.

Но вместе с тем само оно
В воротничках, в рубахах чистых.
Вот баба вымыла окно,
Паркетный пол суконкой чистит.

На подоконниках цветы,
Безжизненны, не благовонны.
В домах собачки и коты :
Клочки природы угнетенной.

Есть к этим маленьким зверькам,
К цветочкам, к рыбкам тяготенье :
Убийцу тянет к тем местам,
Где совершилось преступленье.

* * *

Мой брат серьезно уверял,
Что будто у себя в Савое
Однажды видел и слыхал,
Как словно существо живое —
Перед рассветом в тишине,
Когда созвездия бледнели,
Уснули горы, и во сне
Дышали ровно и храпели.

Нашим собакам

ДАДАШКЕ

1

Крепкой дружбы смерть не побоялась,
Нет моей собаки дорогой,
Для которой песенка слагалась,
Покупался мячик голубой.
Мячик может потеряться где то,
Эту память в сердце не носить...
Что мне делать с песенкою этой?
Музыки сердечной не забыть.

1966 г.

ЦЮЛЕ

2

Опустело место опустело...
В свете солнца утреннем, лучистом,
Нет комочка этой шерсти белой,
Нет чудесных ушек золотистых.
Посмотрю — Не видно на дороге...
Оставал, бывало, ты и прежде.
Постою, послушаю немного —
Словно есть какая-то надежда.
Может быть — среди травы высокой
Ты лечебный стебелек нанюхал.
Кажется — вот вот коснется слуха
Звон ошейничка, еще далекий.
Вздрогну, если птичка прощебечет,
Ветерок зашелестит листвою.
Сердце вечно разуму перечит —
Кажется мы все еще с тобою.

1969 г.

* * *

Смотрю и обхожу кругом —
Покинутый, навеки, дом.
Сквозь пол осина проросла,
Куски оконного стекла
На стены зайчиков пускают,
И на развалинах сарая
Уже растет бурьян густой —
Цветок раскрылся голубой.
С каким воинственным напором
За полусломанным забором,
Сияя древней красотой
Являться начал мир иной.
О как, в отсутствии людей,
Все стало чище и светлей.

* * *

Ни солнца праздничный восход,
Ни счастье, ни землетрясенье,
Ничто меня отвлечет —
В минуты ясного смиренья.
Так минеральная вода
Сама собой течет из рытвин.
Такое сходство есть когда —
Во мне рождается молитва.
К чему и для чего она?
Я никогда не понимаю,
Но сладостного полусна —
Пустым вопросом не смущаю.

1965 г.

Друзьям моим: Е.А. и Р.Ю. Герра

НОЧНЫЕ СТИХИ

1

Еще одна ночь начинается —
Прохладная осени ночь,
Ничто на земле не кончается —
Только уходит прочь.
Медленно все забывается —
Здесь на земле у нас,
Но где то в веках сохраняется —
Каждый прошедший час.
Когда нибудь свет проглянет,
Сквозь этот миражный дым,
И, прошлое — будущим станет,
А будущее былым.

2

Ночью я мечтатель и поэт.
Тайнозренью нужен сумрак ночи.
Мне мешает посторонний свет —
Свет иной в себе сосредоточить.
В этом свете я могу познать
Красоту утраченной свободы,
В этом свете я могу создать
Целый мир: людей, зверей, природу.

3

Я начал верить от безверия,
Отталкиваясь от отчаяния,
Моя духовная империя —
Полна печали и раскаяния.
Я принимаю, как даяние,
В ответ на пустословье здешнее —
Урок покоя и молчания,
Из мира светлого безгрешного. . .

4

Мне отрадно ночью просыпаться,
Тишина, покой и темнота.
Слава Богу можно отдышаться
От дневного, тяжкого креста.
Отойти от грешного познанья —
Этой силы — рабства и цепей.
Веря в бесконечность расстоянья,
Отдохнуть от беспросветных дней.

5

Прошел снежок перед рассветом
И солнце тронуло лучем —
Весенний цвет вишневых веток,
И снег, сияющий на нем.

И медленно с ветвей спадают —
И талый снег, и нежный цвет.
Одета гибель урожая —
В блеск красоты, в горячий свет !

1973 г.

П О Э М Ы

ВОСПОМИНАНИЕ

1

О старине рассказывая другу,
Закрыв глаза, я вижу пред собой;
Поля запаханные плугом
Блестели паюсной икрой.
Другие бархатом зеленым,
Сменяли белый шелк снегов.
И шум стоял неугомонный —
Бегущих в балки ручейков.
Орлы степные сторожили —
Курганы древние могил,
А ветряки простор крестили —
Медлительным вращеньем крыл.
Там солнца первая ресница.
Горячей россыпью огней —
На купола церквей ложится
И на вершины тополей.

2

Нет месяца светлее, чище
Чем над украинским селом.
Едва зашевелятся листья —
Он их осыпет серебром.
И вспыхивает сад вишневый
И вспыхивают тополя.

Как сети полные улова —
Трепещут южные поля.
Мерцают стены белых хаток,
В тепле степного ветерка,
Прозрачным, чуть зеленоватым
Ночным сияньем светлячка.

3

Дыханье затаив, украдкой
Ты выходила из сеней,
И, словно ртуть, текла по складкам
Рубахи вышитой твоей.
Платочек беленький, из ситца
Синел, почти как бирюза,
И длинные твои ресницы
Бросали тени на глаза.
Я как колдун из « Страшной мести »
Хотел бы вызвать образ твой,
Но вот и так сияет месяц
И льется пламень голубой.
Я вижу вместе — быль и небыль :
Стог сена, тополь, как игла,
И мы с тобой под звездним небом
Вдали от спящего села.

4

Украинских чудесных песень
Мне до могилы не забыть,
Как должен ночью; « ясный месяц
В дороге милому светить »
Его Шевченко часто славил,
Не мог и Пушкин превозмочь —

Очарованья и в « Полтаве »
Воспел украинскую ночь.

* *
*

Простор, свобода и безбрежность,
Как память первая любви —
Последнюю находят нежность —
В моей украинской крови.
Жизнь на земле переменилась,
Но память — вечности сестра —
Тяжелым камнем на могиле —
Напоминает о вчера.

1970 г.

ЗОНДЕРБРОНЕЦ

1

Зондербронец ростом не высок.
Зондербронец победил пороки.
Все-таки еще один порок
Победить не может дух высокий.
Вот семья больного старика,
Скудный ужин на спиртовке греет.
Зондербронцу жалко чудака,
Он людей и любит, и жалеет,
Но увидев на столе стакан,
Скупости находит оправданье:
Если дам, — конечно, старикан
На вино истратит подаянье,
А напившись, с пьяных глаз, возьмет
Спичкой чиркнет и огонь уронит.
И не только домик свой сожжет,
Ветер далеко огонь погонит,
Могут загореться и хлеба,
Небоскребы, фабрики, заводы.
И выходит, что сама судьба
Сделать не дает ему расхода.
Зондербронец очень дорожит
Тем, что благородно рассуждает
Хорошо, что можно жить во лжи,
Истиной высокой прикрываясь.

2

Дед его владел одной иголкой,
А теперь какие корпуса!
Пахнет в цехах кожей и карболкой
Трубы дым пускают в небеса.
Но в Европе не пошли подтяжки,
Зондербронец негров « Ду-ду-ду »
Начал к новым приучать замашкам,
Непокорных предавал суду.
Каждый негр был розгами наказан
За неуважение наук,
И подтяжки был носить обязан,
Даже вовсе не имея брюк.
С этих пор дела пошли не плохо
Шел товар на юг и на восток.
Каждый месяц миллион со вздохом
Зондербронец прятал в кошелек.

3

Книги многие писать умели,
И у многих был хороший слог
Все искали, приближались к цели
Но приблизиться никто не мог.
Многие писали, что за гробом
И сады и воды хороши.
У других химичекие пробы
Сделались отрадой для души.

4

Зондербронец мог бы стать министром,
Он прекрасно пишет, говорит,
Но зажглась божественная искра

В серце Зондерброица и горит.
При своем огромном состояньи
Он довольно ясно понимал,
Что для совершенства и познанья
Он уже рождался, умирал
И умрет и будет новь рождаться,
С каждым воплощением своим
Будет постепенно возвышаться.
И, полна желанием благим,
Как цветок его душа раскрылась,
Что-б цвести, цветя благоухать,
Он читал, что где то говорилось :
Нужно обязательно страдать.
Как же быть ? Какую нужно лепту
В банк грядущей жизни положить ?
Зондербронец не нашел рецепта,
Как духовный капитал нажить.

5

Зондербронец носит черный галстук,
В поле вырос одинокий клен,
И под этот клен довольно часто
Размышлять о правде ходит он.
Если нет надежной точки зренья,
То и правдам, всяким, нет числа.
Зондербронец видит, что сомненье
Не покинуло его чела.
Возле дома он однажды отнял
Лук у невоспитанных детей
Что-б не смели затевать охоты
На несчастных, мирных голубей.
Он хотел за лошадь заступиться
Что-б ее мясник не убивал.
Между тем, не мало скушал птицы

И конины много поедал.
В нем соединялись, как-то ново,
Практика и отвлеченный ум.
И вокруг явления такого
Начал вскоре подниматься шум.

Просят Зондербронца мировыми
Планами высокий ум занять.
Зондербронец будет думать в Риме
И с ответом просит подождать.
Наконец ответил — « ждите чуда,
Только чудо может мир спасти » —
И советует, что-б в Холивуде
Начали сначала фильм крутить,
Как земная разрешится драма :

Мир грохочет, блещет, слышен гром,
Белый ангел на ступенях храма
Возникает с огненным мечем.
Зондербронец, окруженный свитой,
И народ с букетами идет.
Ангел же протягивает свиток,
Свиток Зондербронцу подает.
В ужасе смолкают птицы, кедры
Храм дрожит, народ сошел с ума,
Пламя рвет в куски земные недра
Несмотря на пламя всюду тьма,
Только меч, просторы озаряет
И внезапно падает звезда.
Зондербронец чтенье начинает,
Свиток взблескивает иногда.
« Каждый должен знать от колыбели
Для чего и почему живет.

Каждый должен знать с какою целью
Почему и для чего умрет »
Он прочел и сразу жизнь земная —
Стала легкой, пышной и простой.

Ангел бросил розу, улетая.
Окруженный радостной толпой,
Зондербронец с белыми цветами,
Сядет в золотой автомобиль
И удачно завершая драму,
За машиною взовьется пыль.

6

Зондербронец ищет возвышенья,
Хочет душу в красоте беречь.
Потому купил себе именье,
Будет там своих коров стеречь.
В жизни многому учиться надо
И не веря черному быку,
Зондербронец далеко от стада
Ходит с пистолетом на боку,
Смотрит на цветочки, на лужайки,
Вздрагивает, если из под ног
С воплем страха вылетает чайка,
Чувствует, что в поле одинок
Но завел особую тетрадку,
Каждый вечер, перед каждым сном,
Аккуратно всякие догадки
Вписывает золотым пером.
Научившись многому за лето,
Он решил одной вдове помочь,
Потому с косой и пистолетом
Вышел из дому в глухую ночь.
Утром видит бедная вдовица
Вся в росе, похоже, как в слезах,
Скошена зеленая пшеница
Вместо сенокоса на лугах.
И всплеснув рукам... что ей делать?
Голося и кулаком грозя,

Благодетеля избить хотела-б
Но виновника найти нельзя,
— Он в тот час на важном заседанье
Речь держал и говорил о том,
Что всегда свои благодеянья
Полагается творить тайком.

7

Словно поезд с поездом столкнулся,
Словно кто то крикнул — « Берегись »
Зондербронец вздрогнул и проснулся.
Страшным сном испуганная мысль
Долго к жизни не могла привыкнуть,
Только что альпийский снег блестел,
По наклонам и провалам диким
Зондербронец яблочком летел,
Тут и крылья снились тут и лыжи,
Рядом с ним знакомый сенбернар
Тот, которого сосед в Париже
Выводил гулять на тротуар.
Вдруг о, ужас — сразу в прахе снежном
Пропасть незаметная в дыму
И собака с воем безнадежным
Провалилась кувырком во тьму.
Зондербронца очередь настала
В этот миг, он из последних сил
Комкая, как тормоз, одеяло
Веки в ужасе разьединил.
Тикали часы, не зная муки,
В сумерках светился потолок,
Но дрожали ноги, в страхе руки
Одеяло комкали в комок,
Вместо сердца будто вырос кактус
Начал иглами колоть в груди,

Мысли, словно публика в антракте,
С мест вскочили, начали бродить.
Зондербронец страшно волновался,
А потом, когда в себя пришел
В чувствах необычных разобрался
Вывод неожиданный нашел:
Нужно будет мировую славу
В смутную телегу жизни впречь,
Имя в памяти людей оставить,
— Имя от забвенья уберечь.

8

Он не знал ни музыки, ни пенья,
Стихотворцем тоже быть не мог,
Наконец найти свое спасенье
Зондербронцу Герострат помог.
Древний грек разрушил храм Дианы,
Зондербронец же наоборот:
На вершине ледяной Монблана
Уничтожит бесполезный лед,
Мстя природе и ее законам,
Так сказать, за неизбежный гроб,
Выстроит из железобетона
Сорокоэтажный небоскреб.
Над небесным зданьем будет реять
В тысячу квадратных метров флаг
Люди безусловно подобреют
Перестанут добиваться благ.
Потому, что все развесят уши,
Узнавая про чудесный дом.
Смертные возрадуются души
О бессмертном мастерстве своем.

9

Зондербронец встречным, всевозможным
Отвечает гордо на поклон.
Наконец мечтаний невозможных,
Грандиозный план осуществлен.
И журналов и газет страницы,
Только поднимается заря,
Повсеместно, даже за границей,
О чудесном зданьи говорят.
Как сияет на Монблане солнце,
Как блестают зеркала паркет,
Как в волшебном замке Зондербронца
Запросто бывает высший свет,
Как хозяин сразу наловчился
Улыбаться дамам, королям,
Целый мир, казалось ,разделился
На таких кто был и не был там.
Футболисты, гонщики, артисты
Все спешили в замке побывать.
Самые благие моралисты
Зондербронца стали почитать.
Все жужжали, как над медом осы,
Говорили долго и умно
Множество запутаных вопросов
На Монблане было решено.

10

Постояльцы кушали омаров,
Балыки, икорку, блянманже.
Зондербронец с чудным сенбернаром
Жил на сорокпервом этаже.
Чувствовал себя он полубогом
Стоило ему в окно взглянуть,

Звездная безмерная дорога
Небоскребу открывала путь.
А внизу, под сушей и под морем,
Трубы восхитительные шли.

Из Сахары горным льдам на горе
Солнечную теплоту несли
Он по вечерам не раздевался,
Проходил через особый шкап,
И костюм, как порох рассыпался.
А постель спускалась с потолка.
Что-б здоровье сохранить и силы
Был придуман аппарат другой,
По утрам его хватали вилы
И в бассейн бросали ледяной.

Зондербронец охал, кувыркался,
Пол ведра сметаны выпивал,
Остальной сметаной умывался,
Полотенцем губы вытирал,
Из бассейна разные машины
Брали Зондербронца и на нем
Тут же шили платье и ботинки
Шапочку альпийскую с пером.

Свежий, вдохновенный Зондербронец
Выходил пыхтя, как паровоз,
Что-б взглянуть немножечко на солнце
И на кустики различных роз.
Сенбернар в саду повсюду бегал,
Африканским воздухом дышал,
Он хотел бы побежать по снегу
Дед его в снегах людей спасал.
Далеко от многолюдья, шума,
— От забот посредственных людей
Зондербронец очень много думал
О прекрасной выдумке своей.
Он обедал ровно в час на шпалах,

Потому что стол напоминал,
Очень точную модель вокзала,
Зондербронец кнопки нажимал,
Ехали по рельсам золоченным
Из далекой кухни, из жары,
Красные и синие вагоны
Доставляя всякие дары.
Вина в уморительных цистернах
Подъезжали прямо под стакан,
Ехала зажаренная серна,
Розами украшенный фазан,
Поросенок с хреном подъезжает,
Показались гуси вдалеке,
Зондербронец кнопки нажимает
На распределительной доске.
Есть ему приходится немного,
Слишком много нужно хлопотать,
Следует крушенья на дорогах
По возможности, предупреждать.
Иногда приходится трудиться
Всеми членами, ногами ,лбом.
И гостям приходится учиться,
Кнопками работать за столом.

11

Зондербронец думает о Боге,
У него большая голова,
Заблудились люди на дороге
И живут, как дикая трава.
Сенбернар на шкуре ягуара
У рабочего стола лежит,
Пахнет в комнате слегка сигарой
Зондербронец ходит и молчит.
Постоит и снова зашагает,

Наклонился над столом, затих.
За окно бросает, не читая,
Письма почитателей своих.
Надоела Зондербронцу слава
Меркнет в славе синодальный свет,
В душу входит сладкая отрава,
Даже пользы очевидной нет.
Где труды, надежды жизни прежней?
Улетучились, как паровозный пар.
И, завыв от скуки безнадежной,
Поднялся со шкуры сенбернар.
Зондербронца ужас обнимает
Словно лихорадочный озноб.
От беды духовной не спасает
Сорокаэтажный небоскреб.

12

Погруженный в неземные думы
На вершине выдумки своей
Далеко от городкого шума
От ученых и простых людей
Зондербронец думает о Боге.
Крупного масштаба голова
Стала странно походить немного
На фонарь без электричества.
Зондербронец вдел тюльпан в петлицу,
Щупая зеленый стебелек,
Хочет Зондербронец научиться
Чувствовать, как чувствует цветок.
За окном печально догорает
Утренняя тихая звезда,
Зондербронец ясно понимает,
Что не будет верить никогда.

13

Зондербронец думает о здешнем,
Хочет Бога навсегда забыть.
Но за то на острове безгрешном
Просто рай земной установить,
Взять детей, которые не знают,
Никаких вопросов, никаких !
Вся беда и ненависть людская
Собственно рождается от них.
Там животных никаких не будет
Потому, что убивая их,
Будут снова молодые люди
Привыкать к мучению других.
Будут новые приспособленья
Что бы можно было танцевать
И танцуя в чудном упоеньи
Вместе с тем и огород копать.
Сеять будут тоже, как на бале,
Вместо конфети бросать зерно,
Зондербронца планы волновали,
Сенбернару было все равно.

14

Зондербронец много денег тратит,
И о Зондербронии своей
Всюду жирным шрифтом напечатал
Множество брошурок и статей.
Он ручался за покой и счастье
И просил отдать ему детей.
Все же государственные власти
Воспротивились идее сей.
Зондербронец очень осторожно,
Кое-где подростков покупал,

Оказалось, что не так уж сложно
Добывать для счастья материял.
Пароход по имени « Роянда »
У фиордов груза ожидал
И грузились дети контрабандой
Зондербронец стражу подкупал.

15

На далеком, да на синем море
Заглушая голосом волну
Пели дети, забывая горе
Новый гимн про новую страну.
Зондербронец между ними ходит
С камертоном и пакетом нот
Выстроившись в ряд на пароходе
Детский хор старательно поет.
« Ах Зондер - зондерброния,
Чудесная страна,
Плывем мы в Зондербронию
По голубым волнам ».

16

Небоскреб монбланский занимают
Нефтяные тресты под бюро.
Зондербронца люди забывают
Не находит и мое перо.
И о Зондербронии не слышно...
Не засел ли транспорт на мели ?
Впрочем, даже если рай не вышел,
Вероятно дети подросли.

1952 г.

С О Н

1

Кто бьется там в последний час
За каплю света и воды?
Откуда слышен трубный глас
Подобный трепету звезды?
Глубок и темен был овраг,
Мой конь понес меня в галоп —
Туда, где светел бранный стяг,
Где трубный клич и конский топ.
И словно молний серебро
Застыло в блеске снежных бурь,
На каждой лошади тавро,
А груди всадников — лазурь,
А на лазури белый крест,
Как месяц — шлем, как сонце — щит,
И белый пепел горных мест
За нами облаком летит.
Доспехи древние у нас;
Копье тяжелое, да меч.
А в тороках овса запас,
Коней приказано беречь.
Мне шепчет на ухо отец:
« Стоит под деревом пастух,
То не пастух среди овец,
То лютый зверь, то злобный дух!
Он в церкви оплевал киот,

Он кровью волости залил,
Он русский обманул народ
И близких нам людей казнил ».
Мне отомстить ему пора —
Я поднял руку и взмахнул —
И синей струйкой серебра
Мой меч карающий сверкнул !
Я кровь злодея стер с меач.
« Кто делал зло — умрет во зле ».
Погасла в церковке свеча
Последняя на всей земле. . .
« Что Божье око видит
то слышит душа человеческа »
Сказали воины в строю
И тьма проникла в грудь мою.

2

Где сила бранная небес ?
Что эти копья и мечи
Среди технических чудес ?
Что стоит свет одной свечи ?
Всемирный генеральный штаб
Придумал план с названьем « Ромб »
Надеясь, что противник слаб
Без пушек, водородных бомб,
Без мощных танковых частей,
Без флота воздуха и вод.
И смело техника людей
На Бога двинулась в поход.
От грохота железных птиц
Сорвались горы волн морских,
И отблеск атомных зорниц
Блестел на воинствах святых.
И на земле людская кровь

Смешалась с маслом из машин,
И силой атомных паров,
Над прахом городских руин,
Вертелись скалы, корабли,
Заводы, площади, мосты,
На воздух поднялись гробы,
Живые люди и кресты,
Вертелись с корнями дубы...
И сам Архангел Михаил
Ненужный меч вложил в ножны
И снова ангел затрубил
Среди безмерной тишины.

3

Кто знает светлую любовь —
Тот понимает слово месть.
Кто конских не забыл шагов —
Тот знает что такое честь.
Но я попал в иную стать,
В чужое время, в мир чужой.
Я безвести хотел бежать,
Но город вырос предо мной.
Среди машин, толпы людей
Мне некуда себя девать.
Здесь хода нет для лошадей,
И нечем всаднику дышать.
Противны мне огни витрин,
Мясные лавочки в цветах,
Я тут среди толпы один,
Похож на окуня в сетях.
В предчувствии своей судьбы
Мой конь испуганно храпит,
То вдруг взовьется на дыбы,
То пробует ногой гранит.

Поэт, певица и урод
Его схватили под уздцы.
Со всех концов бежит народ,
Бегут на помощь молодцы
Согнув колени, куплетист
Поет : « хи-хи, хи-хи, ха-ха »
И крикнул, заглушая свист,
« Вот он — убийца пастуха ! »
Народ глядит, народ сопит
И воздевает кулаки,
И гул над толпами стоит,
С ножами вышли мясники,
И завладев моим конем
Меня ведут по мостовой
Кричат и машут кумачем —
« Ты нам ответиш головой »
И кровью налитый поэт
Мне на ухо прочел стихи —
О том, что в мир приносят свет
Всезнающие пастухи.
Толпа (подобье саранчи)
Металась что-б найти топор.
Стояли, в красном, палачи,
Колоду притащил мясник,
В последний раз я поднял взор
Стал на колени и поник...

ОТ АВТОРА

С Иваном Алексеевичем Буниным я познакомился в 1946-ом году. Знакомство произошло на литературной почве. Леонид Федорович Зуров дал прочесть Бунину мой рассказ. С этих пор я бывал в доме Буниных очень часто. Потом я заболел и три года прожил вне Парижа. Началась переписка главным образом с Верой Николаевной. В письмах я посылал свои сочинения. Вера Николаевна перепечатывала мои стихи на машинке, давала читать Бунину и с его поправками и замечаниями присылаал их мне назад. Многое потерялось. Остались два листка, которые я и посчитал своим долгом поместить в этом сборнике. Во первых потому, что этой памяти о моих отношениях с моим любимым писателем нет другого места, во вторых еще и потому что внимание Бунина к писаниям начинающего может быть противоречит тому мнению, что создалось у многих о Бунине как о писателе относившемся к начинающим безразлично.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОЭМЫ

Imprimerie P.I.U.F., 3, rue du Sabot - Paris

НА МОСТУ

Когда внезапно флейта заиграла,
Я видѣлъ, как по лону вод,
Серебряная зыбь перебегала:
Перебежитъ- и вновь вода уснет.
И вновь глядятся въ озеро березы,
Склоненные над голубым стеклом,
Трепещут с легким шорохом стрекозы
Над водами и влажным камышем.
~~И снова зыбь [illegible] берег скрывает,~~
~~Переблиставшим быстро серебром,~~
~~И золотая рыбка выплывает~~
~~Беседовать с прозрачным рыбаком.~~
Замолкла флейта, озера не стало,
Передо мной бродяга, город, мост,
Быть может, эта встреча показала--
Как переход сюда оттуда простъ.

ОТЦУ

I

Чернели на снегу белевшем
И понянулись до угла.
Стою на месте опустевшем,
Со мной деревья, вечер, мгла.
Потом и я иду за всеми
По снегу на фонарный свет
И шапкой покрываю темя
И оставляю синий след.

Мой дорогой поэтъ, тутъ, во всѣхъ стихотвореніяхъ, много хорошаго, настоящаго. Дай Богъ здоровья и пристальной (а не „тяпъ-ляпъ") работы. Сердечно жму Вашу руку.
Ив. Бунинъ
11/3 1949

II

Отец, полковник! Из гранита
Я над тобой вообразил
Коня, что под тобой копытом
Нетерпеливо землю рыл.
Ты все лежишь и все сжимает
Поводья мертвая рука
И конь, тоскуя, ожидает,
Дыханьем грея ездока.

III

Храню листок осиротевший,
Исписанный твоей рукой,
Истрепанный и пожелтевший--
Он всюду следует за мной--
Когда же я его читаю,
Болея по тебе душой--
Мой голос мне напоминает
Давно замолкший голос твой.

Марина

Став на колени и шепча:
Молилась перед сном Марина,
А там закапала свеча
Ковер горячим стеарином.
Когда она последний стих
В полузабвении шептала:
Свеча погасла, мир затих
И ночь глубокая настала.
Сады тонули в серебре,
Созвездья в водах отражались,
Но утром только на ковре
Сгоревших звезд следы остались.

Тогда стеарина не было!

Моему коню Эросу

Бывало там: в степях родной Руси —
Ты шагом шел голубкою колыхая
И легкою поступью своей рыси
Мои сомненья первые теряя

О, как тогда гордился я тобой!
В ту осень ты вернулся из столицы
Где выиграл с рекордною быстротой
Большую скачку „Приз императрицы."

Все рухнуло, исчезло словно дым —
Нас разлучила роковая доля.
Там где-то за курганом голубым
Спит наша дружба и степная воля

Как ты погиб? Под зверской рукой людей
В какой-нибудь тачанке неприметной
От благородных до твоих костей
Я часто думаю мечтой заветной

